

Сердечное искусство

На спектаклях Театра имени Леси Украинки

В Москву на гастроли снова, вот уже в третий раз, приехала труппа Киевского русского драматического театра имени Леси Украинки. Этот сильный, богатый талантами коллектив не нуждается в рекомендациях — москвичи прекрасно помнят его спектакли. И, как следовало ожидать, нынешние гастроли также оказались интересными.

«Живой труп» — программный, прославленный спектакль киевлян — служит как бы оправой жемчужине актерского таланта — образу Федора Протасова, воплощенному Михаилом Романовым. Жизнь Протасова, как понимает и воспекает ее Романов, — вся в погоне за красотой, за звучной и нежной песней, которая слышится ему в однообразном, невыносимо пошлом шуме жестокого пошлого мира. По-детски чистая, словно прозрачная душа Феда болезненно содрогается от каждого прикосновения к житейской грязи, от всякого фальшивого или грубого слова.

Вот известная сцена в кабаке у цыган: Федор Протасов «гуляет»... Он опьянен, но только вовсе не вином, а песнями — раздолбными, протяжными, горестными, дикими — и даже стыдится своего опьянения, своего восторга. Застенчивая улыбка проскальзывает по его лицу, он говорит тихо, с каким-то застенчивым упоением, словно боясь спугнуть собственное счастье. Только глаза его светятся откровенным восхищением. Романов прекрасно играет эту сцену, а она задает тон развитию всей роли. И когда в финале Протасов произносит свой знаменитый обличительный монолог, то он вовсе не выглядит бунтарем — он ведь и в самом деле «не борец» — он просто с высоты собственного понимания жизни и счастья осуждает людей, испачкавших, загрязнивших жизнь.

Однако этот необычайный, вдохновенный образ Протасова вырисовывается на сравнительно бедном, сдержанном фоне спектакля, поставленного Вл. Нелли. Здесь настоящее творчество торжествует только в роли «гения» Ивана Петровича Александрова, сыгранной В. Халатовым, да в двух-трех ролях (Анна Павловна — Е. Опалова, Лиза — Т. Семичева) чувствуется свежее, проникнутое жизнью мастерство. Остальные роли сыграны без водововлечения.

Артистка В. Драга в роли Карениной хорошо и старательно изображает светскость, Ю. Лавров в роли князя Абрезкова точно и добросовестно воспроизводит дряхлость, А. Смолярова в роли цыганки Маши безуспешно обнаруживает чистоту побуждений; но чем живут, чего хотят, от чего страдают и за что борются эти люди — остается неясным. Как это ни странно, они оказываются как бы вне драмы, вне ее напряженного конфликта. Привычное мастерство тут как-то придавило душевные порывы героев пьесы, замаскировало их волнения, забронировало их сердца. Самое сокровенное и самое дорогое в актерском искусстве — его душевность, его простая сердечность — незаметно ушло, заслонилось хорошо выполняемыми деталями внешней характеристики персонажей.

Надо сказать, что такой профессиональный «холодок» нередко дает себя знать в спектаклях театра имени Леси Украинки. Много души отдано, например, в спектакле «Годы странствий» А. Арбузова образам Лаврухина (артист В. Мягкий), Люси Водерниковой (артистка В. Предаевич), Ольги (артистка А. Смолярова), тети Таси (артистка В. Драга). Но исполнитель главной роли Водерникова — А. Анулов — на протяжении первых двух картин спектакля остается в пределах чисто внешнего мастерства, не увлекаясь судьбой героя, едва обозначая его характер, не замечая ни его таланта (о котором так много говорится в пьесе), ни его порывистости, ни его обаяния. Образ мельчется, вся проблема пьесы сводится к легкомыслию Водерникова.

Об этом не позаботились и режиссер М. Романов, которого в

первой картине почему-то все время тянет к водевилю. Павлик Тучков созывает гостей, используя в качестве рупора самоварную трубу, и, конечно же, все лицо его в саже. Кузя с метлой гоняется за Сашей, молодежь старательно, но неестественно ревится, смешной, подгулявший Прохожий неожиданно становится центральной фигурой картины. Даже такое важное событие, как вспыхнувшее вдруг увлечение Ольги Водерниковой, остается незамеченным в веселой кутерьме. Это, разумеется, частности, но и она характерна для тех противоречий, которые свойственны театру.

А ведь в постановках «Гибели эскадры» А. Корнейчука, «Морали пани Дульской» Г. Запольской, «Жи на длинных ногах» Эдуарда де Филиппо театр демонстрирует подлинно высокий вкус, настоящую взыскательность.

«Ложь на длинных ногах» поставлена И. Молоствовым с прекрасным ощущением природы драматургического таланта автора, его горестной иронии, столь далекой от скептического равнодушия, его юмора, проникнутого огромной любовью к людям.

Превосходно играют в этом спектакле В. Дуклер — Бенедетто, Г. Долгов — Роберто, А. Литвинова — Констанца, О. Борисов — Гульельмо, М. Швидлер — Ольга. В их образах есть и неподдельная взволнованность, и точность характеристики, и верное понимание жанра пьесы, которому в финале спектакля, к сожалению, изменяет М. Розин, исполняющий главную роль Либери Инкоронато. Актер напрасно придает неприятельскому Либери, сила которого именно в его скромном достоинстве, слишком знакомые черты героя-бунтаря, горделивого обличителя. Здесь снова сказывается склонность к проторенным путям, к привычным решениям.

Режиссер Л. Варпаховский добился удачного по социальной остроте и изяществу формы прочтения трагикомедии «Мораль пани Дульской». С увлекательной силой, с мельчайшими подробностями в этом спектакле доведены до сатирической обнаженности образы самой пани Дульской в исполнении Е. Опаловой, ее сына Збышко (артист Е. Балев), ее монументально-молчаливого мужа, уморительно смешного в своей гордой, вельможной покорности супруге. Эта роль — еще одна большая удача В. Халатова. Хорошо играет Г. Будылина Мелю: ее искренняя, детская непосредственность, ее паразитическое простодушие особенно сильно подчеркивают всю грубую фальшь лицемерной «морали», которой скреплено общество господ Дульских и им подобных.

Театр имени Леси Украинки принес московским зрителям много радости, много живого волнения. Хочется пожелать киевским актерам и режиссерам только одного — избавления от склонности к штампованным приемам, которые приносят заметный ущерб их сердечному искусству.

К. РУДНИЦКИЙ.

На снимке: сцена из спектакля «Живой труп».
Снимок А. Батанова. (ТАСС).